

БИТВА ПРИ ХИОСЕ 201 Г. ДО Н.Э.: ТАКТИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА ПРИСВОЕНИЯ ПОБЕДЫ

Н.Ю. СИВКИНА

*Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

e-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

В 201 г. до н.э. у острова Хиос состоялось крупное морское сражение. Полибий описывает два отдельных столкновения: между Атталом и правым крылом македонского флота и между кораблями Родоса и левым крылом македонской флотилии. Победу в сражении приписывали себе пергамский царь Аттал I и македонский царь Филипп V. Если рассматривать лишь тактическую сторону битвы, то абсолютного победителя в сражении не было. Сложившийся в литературе взгляд на победу союзников возник под влиянием общего итога того конфликта: Пергам и Родос обратились за помощью к Риму, затем началась вторая римско-македонская война.

Ключевые слова: Македония, Филипп V, Аттал I, битва при Хиосе.

После завершения I римско-македонской войны взгляды македонского царя Филиппа V обратились на Восток. В 204 г.¹ умер Птолемей IV Филопатор, трон занял шестилетний Птолемей V; этот период два царя – Филипп V и сирийский правитель Антиох III² – посчитали благоприятным для расширения своих сфер влияния за счет подвластных или зависимых от Египта земель. Вероятно, в этом контексте следует рассматривать операции македонян в Малой Азии. Цель Филиппа сводилась к намерению покончить с Египетским господством в Эгейском море³. В 202 г. Филипп напал на Перинф (Polyb. XVIII. 2. 4), подчинил Лисимахию во Фракии (Polyb. XVIII. 3. 11), Калхедон и Хиос (Polyb. XV. 21–22. 1). Очевидно эти действия были нацелены на обеспечение коммуникаций через Боспор и Геллеспонт с силами в Малой Азии⁴. В 201 г. царь, оставив гарнизоны на Андросе, Паросе и Китне (Liv. 31.15.8), занял остров Самос и атаковал Хиос, затем пытался захватить Пергам.

Цели Филиппа в Карию не ясны. Возможно, он думал, что завоевания его предшественника – Антигона Досона – находятся в опасности⁵. С уверенностью говорить о контроле македонянами Карию в 227–201 гг. невозможно, хотя данные Полибия не исключают этого. Как известно, в 227 г. Антигон отправился в Карию, о причинах этой экспедиции можно только догадываться. Предположительно, она была направлена против экспансии Птолемея в Эгейском бассейне⁶. Поход был прерван, вероятно, в связи с событиями в Греции. Там шла так называемая Клеоменова война между Ахейским союзом и Спартой, в ходе которой в 227 г. ахейский стратег Арат, согласно Полибию (II. 47), сорвал сближение Спарты, Этолии и Македонии и превратил македонского царя из врага в союзника. Не желая компрометировать себя переговорами с Антигоном, Арат предпочел действовать через послов Мегалополя. Это

¹ Здесь и далее даты – до н.э.

² Хотя существует сомнение относительно существования соглашения между Филиппом и Антионом, но, учитывая недавно обнаруженную надпись в Малой Азии, свидетельствующую о военном сотрудничестве двух царей против Птолемея, вероятно, следует признать правильность сообщения Полибия (Polyb. XV. 20): Eckstein A. M. Macedonia and Rome, 221–146 BC // A Companion to Ancient Macedonia / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Blackwell Publishing Ltd., 2010. P. 235.

³ Murray W. The age of titans: the rise and fall of the great Hellenistic navies. Oxford, 2012. P. 209.

⁴ Walbank F. W. Polybius, Rome and the Hellenistic World. Essays and Reflections. Cambridge, 2002. P. 120.

⁵ McNicoll A.W. Hellenistic fortifications from the Aegean to the Euphrates. Oxford, 1997. P. 106.

⁶ Cary M. A history of the Greek World from 323 to 146 B.C. L., 1932. P. 160.

посольство, если за ним действительно стоял Арат⁷, оказалось первым шагом к восстановлению македонской гегемонии южнее Фермопил. Поэтому Досон планы продвижения на Восток оставил, взгляды македонского царя вновь устремились на Грецию. Таким образом, из источников не вполне ясно, на какой стадии была прервана Карийская экспедиция 227 г. Мы склонны следовать за версией Ф. Уолбэнка⁸, который считает, что в 227 г. Досон установил дружественные отношения с династом Алинды, поскольку это соответствовало антиптолемеевскому характеру его экспедиции, но в дальнейшем, благодаря налаживанию македоно-египетских отношений в конце правления Досона, любые политические соглашения с Олимпихом из Алинды потеряли свое значение. В связи с ослаблением птолемеевской власти в конце III в. и зародившимися планами Филиппа расширения сферы влияния в Малой Азии и Эгеиде, царь восстановил отношения с Алиндой и договорился о сотрудничестве с Олимпихом, при этом их договор был антиродосский⁹. Нельзя исключить вероятность того, что Филипп был обманут союзником.

Агрессию Македонии попытались остановить Пергам и Родос, бывшие конкуренты, объединившиеся против Филиппа. Вероятно, причина их сближения кроется в кризисе системы «равновесия сил». Historики расходятся во мнениях относительно того, когда именно образовалось это «равновесие сил» и вкладывают разный смысл в этот термин¹⁰. Можно лишь отметить, что сложившаяся система государств, включавшая Птолемеевский Египет, Селевкидское царство и Македонию, характеризовалась неспособностью любой из ведущих эллинистических династий сокрушить своего соперника и включить его территорию в свою. Кроме того, державы первой величины вынуждены были признать такие крупные государства, как Ахейский и Этолийский союзы, Родос и Пергам. Система эта рухнула в конце III в. до н.э., когда с упадком Египта при Птолемее Филадельфе наблюдался подъем Македонии и Селевкидской державы, что позволило заменить «трехполярную систему» на «биполярную» (Антигониды – Селевкиды), которая, однако, была слишком нестабильной¹¹. Более того, вероятно, существовали опасения, что в дальнейшем следует ожидать возвышения одной крупной державы и появления нового гегемона, нового Александра. А. Экштейн справедливо отмечает, что Родос и Пергам – государства более слабые по сравнению с эллинистическими державами, противились изменениям в старой структуре¹².

У острова Хиос состоялось первое для новой македонской эскадры сражение. Филипп, узнав о поджидавших его противниках, вышел в море, оставив осаду, и по-

⁷ Не желая компрометировать себя переговорами с Антигоном, Арат предпочел действовать через послов Мегалополя к Антигону в 227 г. Однако по поводу достоверности этого сообщения Полибия в литературе достаточно много споров. Одни историки считают этот рассказ вымыслом от начала до конца (Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т.1. СПб., 1994. С. 117 сл.; Fine J. The Background of the Social War of 220–217 B.C. // *AJPh*. Vol. 61. 1940. P. 129 ff; Walbank F.W. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 239; Shimron B. Late Sparta. The Spartan revolution 243–146 B.C. Buffalo, 1972. P. 48.). Другие, напротив, полностью принимают изложенные Полибием события (Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980. С. 147; Фриц К. фон Теория смешанной конституции в античности: Критический анализ политических взглядов Полибия / пер. с англ. А.Б. Егорова, Г.А. Лапис. СПб., 2007. С. 39; Treves P. Studi su Antigono Dosone // *Athenaeum*. Vol. 12. 1934. P. 409 suiv.). Третьи принимают эту версию частично (Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schacht bei Chaeroneia. Tl. 2. Gotha, 1899. S. 321; Will E. Histoire politique du monde hellenistique. T. 1. Nancy, 1966. P. 331 suiv.; Дройзен И. История эллинизма. Т. 3. СПб., 2002. С. 267, 279. Прим. 36; Beloch K.J. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. 4. 1 Abt. Berlin – Leipzig, 1925. S. 696 ff.; Tarn W.W. The Greek Leagues and Macedonia // *CAH*. Vol. 7. 1928. P. 753). Подробнее см.: Сизов С. К. Тайная дипломатия в годы Клеоменово войны // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 58–71; Сизов С.К. Ахейский союз. М., 1980. С. 91 слл.

⁸ Walbank F.W. Olympichus of Alinda and the Carian Expedition of Antigonus Doson // *JHS*. Vol. 62. 1942. P. 13.

⁹ Ibid.

¹⁰ Историографический обзор основных точек зрения см.: Кашеев В.И. Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н.э. М., 1993. С. 25–34.

¹¹ Жигунин В.Д. Указ. соч. С. 165 сл.

¹² Eckstein A.M. Op. cit. P. 234–235.

спешил к своей базе на Самосе (Polyb. XVI. 2. 4), но враги бросились за ним. Македонянам пришлось разворачивать корабли и вступить в битву (Polyb. XVI. 2. 7–8). Вероятно, союзники смогли догнать македонян из-за того, что в македонскую эскадру входили смешанные по типу корабли, суда малого размера установили скорость для всего флота¹³. Филипп имел в своем распоряжении 53 палубных судна, включая флагманский корабль – декеру под командованием Демократа (Polyb. XVI. 3. 5–6), какое-то количество открытых кораблей и 150 более мелких – лемб и прист (Polyb. XVI. 2. 9). Не вполне ясно, на каком корабле находился сам царь. В одном пассаже Полибий говорит, что он с несколькими челнами отступил под прикрытие островков (Polyb. XVI. 2. 8), в другом месте автор пишет, что с царем было четыре пентеры, три полоторных судна и челны (Polyb. XVI. 6. 4). Неприятельский союзный флот – эскадра Пергама, Родоса – включал 65 крупных судов, главным образом, квадрирем и пентер¹⁴, 3 триемиолии и 3 трехпалубных корабля (Polyb. XVI. 2. 10).

Морское сражение подробно описано Полибием (Polyb. XVI. 3–8). Правое крыло македонской флотилии сражалось с Атталом I, левое – с родосцами. Филипп превосходил Аттала численностью челнов, а Аттал превосходил македонян палубными судами (Polyb. XVI. 4. 1–2). Битва была жаркой, как отмечает Полибий (Polyb. XVI. 4. 3), на правом крыле Филиппа дела приняли такой оборот, что исход битвы оставался неясным, хотя Аттал имел больше оснований рассчитывать на победу. Тем более, что в самом начале сражения погибает македонская флагманская декера вместе с навархом (Polyb. XVI. 3. 5–6). На левом крыле «первая же схватка расстроила боевой порядок, и все сражались как попало» (Polyb. XVI. 4. 9). Ахейский историк ярко описывает, как один из пятипалубников родосцев протаранил корабль противника и, пока суда оба судна набирали воду, команды их, отважно сражаясь, погибли (Polyb. XVI. 5. 1–4).

Потери македонян, родосцев и пергамцев, указанные Полибием (Polyb. XVI. 7), – пергамцев погибло 60 человек, родосцев – 70, в плен союзников попало – 700 человек, у македонян погибло 3 000 солдат и 6 000 команды, более 2 000 попало в плен – выглядят не слишком правдоподобно¹⁵. Возможно, эти цифры были заимствованы из родосского источника, поэтому и преуменьшают потери союзников¹⁶. При этом, следует учитывать, что и сами античные авторы точно не называют, сколько людей могло находиться на этих судах. Поэтому, к сожалению, не представляется возможным подсчитать число павших. Можно, например, отметить, что максимальное число воинов, которые могли принять 100 лемб – 6 тыс. человек¹⁷, при этом на мелких судах обычно не было различия между гребцами и боевой командой¹⁸. В таком случае, допуская, что загруженность кораблей не была максимальной после осады и предшествовавших столкновений, 150 мелких судов Филиппа могли вместить до 6 тыс. человек, половину из которых царь потерял. А ведь македонцы утратили и очень крупные корабли. Что касается тяжелых кораблей, то они несли довольно много людей – команда состояла из гребцов (epikoroí), матросов (nautai) и морской пехоты (epibatai), при этом гребцы представляли собою основную движущую силу военных судов, и число их бывало чрезвычайно велико¹⁹. Полибий в одном пассаже упоминает, что римская пентера несла 300 гребцов и 120 солдат (Polyb. I. 26. 7). Если взять за основу эти данные и принять во внимание, что родосцы и пергамцы в битве потеряли по две пентеры, то общее число потерь союзников уже возрастает до

¹³ Murray W. Op. cit. P. 266.

¹⁴ Murray W. Op. cit. P. 210.

¹⁵ Holleaux M. Rome and Macedon // САН. 1930. Vol. 8. P. 154; Walbank F.W. Philip V of Macedon. Cambridge, 1940. P. 124, not. 2.

¹⁶ Murray W. Op. cit. P. 212.

¹⁷ Беликов А.П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 63–64.

¹⁸ Murray W. Op. cit. P. 255.

¹⁹ Эллинистическая техника. Техника мореходства / под ред. И.И. Толстого. Режим доступа: [//www.XLegio.ru](http://www.XLegio.ru)

1800 гребцов и 480 солдат. Приведенные цифры призваны подтвердить не столько факт искажения данных, сколько явное незнание древними авторами таких подробностей. Они не могли знать, каковы были потери македонян до столкновения, насколько были загружены корабли противников, в одном случае старались учитывать всех, находившихся на судне людей, в другом случае – только солдат. Иными словами, говоря о потерях, следует опираться на соотношение потопленных и взятых в плен кораблей. Исходя из таких цифр, ахейский историк, вероятно, прав в том, что больший урон был причинен македонцам.

Это неудивительно, поскольку македоняне не имели не только серьезного опыта морских сражений, но и не располагали профессиональными морскими кадрами. Стоит вспомнить, что морское дело после Антигона Гоната не развивалось, хотя Македония располагала древесиной и смолой – сырьем, необходимым для постройки кораблей²⁰. Антигон Досон (229–221 гг.) имел корабли²¹, на которых собирался отправиться в карийский поход в 227 г. Флот был выстроен зимой 228/7 г. в Деметриаде и Кассандрии²². Но его численность и опыт управления судами были недостаточными для развертывания широкомасштабных операций на море. Морская программа вообще была заброшена царем после 227 г.²³, для казны содержание наряду с большим сухопутным войском еще и соразмерного с ним флота было слишком тяжелым бременем. В ходе Союзнической войны Филипп V попытался начать морскую программу и занялся строительством судов, однако не вполне успешно²⁴. К весне 216 г. было построено всего 100 лемб (Just. 29. 4. 1). Это были небольшие суда с одним рядом весел и без тарана; в открытом море несколько римских трирем без труда потопили бы всю сотню лемб²⁵. В ходе первой римско–македонской войны значительных морских операций организовано не было. Ливий утверждает (Liv. XXVII. 30. 16), что македонский царь рассчитывал объединиться с карфагенским флотом и кораблями, отправленными к нему из Вифинии царем Прусием, чтобы в решающем сражении на море разбить римлян. Однако эти планы, если они в действительности имели место, пришлось изменить, военные действия продолжались на суше. В целом, события 209 и 208 гг. показали, что надеяться на помощь карфагенян царю не следует, поэтому зимой 208 г. Филипп приступил к постройке в Кассандрии нового флота (Liv. XXVIII. 8. 14). Однако римляне в это время ушли из Эгейских вод, поэтому Филипп приостановил постройку кораблей из-за финансовых проблем. В целом, говоря о военно-морской деятельности македонян в 217–207 гг., можно отметить, что македонские суда, как и в предыдущей Союзнической войне, использовались, главным образом, для транспортировки войска²⁶.

Новый флот появился только к 201 г. до н.э., битва при Хиосе в том же году была первым крупным сражением этой эскадры. Однако следует упомянуть еще одну особенность македонской эскадры, повлиявшую на ход сражения. «Основное боевое ядро эллинистических флотов состояло из пентер, отчасти из гептер; корабли–«гиганты», служили в первую очередь целям демонстрации военно-морского могущества той или иной эллинистической державы и высокого уровня кораблестроительной техники»²⁷. Как показали морские сражения II–I вв. до н.э., скорость и ма-

²⁰ Le Bohec S. *Antigone Doson, roi de Macédoine*. Nancy, 1993. P. 298; Billows R. *A Kings and colonists: aspects of Macedonian imperialism*. Leiden, NY, Köln, 1994. P. 6.

²¹ Errington R. M. *Geschichte Macedoniens: Von den Anfängen bis zum Untergang des Königreiches*. München, 1986. S. 221. Подробнее см.: Walbank F.W. *Macedonia and the Greek Leagues* // *CAH*². Vol. 7. 1984. P. 460.

²² Walbank F.W. *Polybius, Rome and the Hellenistic World*. P. 116.

²³ Hammond N.G., Walbank F.W. *A history of Macedonia*. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 364.

²⁴ Кащеев В.И. *Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н.э.* М., 1993. С. 167–173; Errington R. M. *Geschichte Macedoniens*. S. 221.

²⁵ Беликов А.П. *Указ. соч.* С. 63–64.

²⁶ Walbank F.W. *Polybius, Rome and the Hellenistic World*. P. 118.

²⁷ *Эллинистическая техника. Техника мореходства* / под ред. И.И. Толстого. Режим доступа: [//www.XLegio.ru](http://www.XLegio.ru)

невренность кораблей среднего класса были потенциальным залогом успеха. Большие суда лишались маневренности из-за атак кораблей меньшего класса, таких как пентеры и квадриемы, поэтому крупный корабль нуждался в защитных судах. Филипп использовал с этой целью множество лемб, но такой тип судна не был эффективен в нанесении сокрушительного удара по корпусу вражеского корабля²⁸. Скорее всего, объяснение этого просчета простое: царь испытывал недостаток в ресурсах²⁹, чтобы построить, укомплектовать и поддерживать большой флот, отвечающий современным требованиям ведения морского боя.

Понесенные потери македонян, а также победную надпись Аттала I (OGIS. 283) обычно трактуют в пользу победы Пергама³⁰, иногда даже называя ее «блистательной» победой союзников³¹. Однако Полибий указывал, что Филипп, несмотря на потери, присваивал себе победу в сражении (Polyb. XVI. 8. 1). Действительно, подробное описание Полибием хода битвы и дальнейшие шаги македонского царя не позволяют говорить о полной и безоговорочной победе союзников. Едва ли стоит отмечать «блистательность» пергамской победы, если, согласно Полибию (Polyb. XVI. 6. 1), Аттал вначале одерживал верх, но затем совершил неосторожный поступок, увлекшись преследованием одного из кораблей противника, а в результате вынужден был спасать собственную жизнь, бросив сражающиеся корабли и отступив по суше.

Примечательно, что неопытные в морском деле македонцы проявили не только свойственное им мужество и смелость, но и некоторые знания специфики морского боя. Так, например, ахейский историк отмечает, что македонцы между палубными судами поместили лодки, такой строй мешал родосцам пробиваться к кораблям противника и воспользоваться своими преимуществами (Polyb. XVI. 4. 8–10). Вероятно, неслучайно враги в самом начале сражения атаковали и потопили флагманский корабль македонян, рассчитывая на быструю победу над лишившимся общего командования флотом. Однако их надежды не оправдались. Более того, Филипп сумел выждать благоприятный момент: когда Аттал I увлекся погоней и оторвался от основных сил, царь преследовал его, так что Аттал вместе с командой бежал в Эрифры, а царский корабль достался македонцам (Polyb. XVI. 6. 4–5). Ведя на буксире царское судно, Филипп возвратился к сражающимся эскадрам; пергамцы посчитали, что Аттал погиб и, покинув битву, отплыли в Азию (Polyb. XVI. 6. 10–11).

Описание этого инцидента позволяет предположить, что случай с Атталом не был простой случайностью. Полибий говорит, что Филипп с четырьмя пентерами, тремя полуторными судами и некоторым количеством челнов в битве не участвовали, а стоял на якоре у небольших островов. По мнению Полибия (Polyb. XVI. 6. 1), царь там ожидал развязки сражения. С одной стороны, можно признать, что едва ли сам македонский царь обладал знаниями и навыками морского сражения, поэтому и предпочел наблюдать за битвой со стороны. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что в его распоряжении были четыре пентеры, не самые скоростные суда, но наиболее пригодные для плавания³². Вполне вероятно, македонский царь оставил этот резерв не только на случай спешного отступления: когда возник подходящий момент, он использовал его, чтобы отрезать Аттала и сопровождавшие пергамского царя суда от остального флота. Неудивительно, что маневр Филиппа был настолько неожиданным для пергамцев, что Аттал испытал «большой страх за свою жизнь» (Polyb. XVI. 6. 4) и вынужден был бежать.

В сражении с родосцами македонские суда отступили, но, как отмечал Полибий (Polyb. XVI. 6. 12), с таким видом, будто торопятся оказать помощь собственным

²⁸ Murray W. Op. cit. P. 223.

²⁹ Ibid. P. 224.

³⁰ Например: Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л., 1950. С. 40; Климов О.Ю. Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 24–25.

³¹ Антонов Т.В., Холод М.М. Комментарии к кн. IV // Полиен. Стратегемы / под ред. А.К. Нефедкина. СПб., 2002. С. 448.

³² Подробнее характеристику и использование пентер см.: Murray W. Op. cit. P. 267.

судам. Примечательно, что родосцы, видимо, не имели ни сил, ни желания для преследования врага и не смогли завершить разгром македонян, они тоже предпочли отступить и отошли к Хиосу (Polyb. XVI. 6. 13).

Интерес для разбора данной битвы представляет еще одно замечание Полибия (Polyb. XVI. 6. 9): Филипп, хотя в главном сражении потерпел большую неудачу, но, ободренный приключением с Атталом, быстро собрал свои корабли и убеждал воинов не падать духом, потому что в морской битве победа осталась за ними. Вероятно, правильнее говорить о двух этапах битвы, на первом Аттал одерживал верх, а ситуация с родосцами оставалась не ясной, на второй стадии пергамцы покинули битву, а родосцы не решились преследовать македонские корабли, направлявшиеся на соединение с Филиппом и оставшимися силами правого крыла.

Таким образом, обращает на себя внимание несколько моментов. Во-первых, Филипп «загнал» Аттала на сушу и завладел его кораблем; во-вторых, на следующий день скончался от ран и родосский наварх, а суда Родоса вернулись домой (Polyb. XVI. 8. 1–2; 9. 1; 10. 1). В-третьих, македоняне в качестве трофея получили пергамское царское судно, но потеряли свою флагманскую декеру. В-четвертых, потери прочих судов значительны, но не катастрофичны. Полибий утверждает, что у македонян из 150 челнов потоплено было 65 и 7 захвачено в плен, т.е. половину Филипп сохранил; из тяжелых судов македонский царь потерял 18 крытых, 4 крупных корабля и 3 триемиолии (Polyb. XVI. 7. 1–2), что также составляет половину палубных судов. Иными словами потери составили 50,7% от общего количества флота³³. Приведенные О.Ю. Климовым цифры несколько отличаются от версии Полибия³⁴. Конечно, потери Пергама и Родоса были меньше, чем у македонян, что объясняется как большим опытом в управлении кораблями, так и превосходящим числом катафракт, главным образом, как отмечалось выше, пентер и квадрирем. Имея такие преимущества, союзники могли рассчитывать на полный разгром македонян – новичков в морском деле. История морских сражений знала более уверенные победы, когда противник терял даже до 80% своих кораблей и уже не был способен на дальнейшие действия³⁵. В-пятых, активные действия Филиппа на суше после битвы при Хиосе свидетельствуют о том, что македонский царь все еще располагал серьезными силами, если рассчитывал захватить Пергам (Polyb. XVI. 1). Аттал не вышел с армией навстречу македонянам, возможно, пергамское войско находилось в каком-то ином месте³⁶. Допустимо предположение, что в это время против Пергама в союзе с Филиппом действовал царь Вифинии Прусий³⁷, который мог отвлечь на себя войско Аттала. В-шестых, вскоре после битвы при Хиосе состоялось еще одно морское сражение у острова Лада, где встретились флотилии Родоса и Филиппа, у македонского царя оказалось достаточно сил для разгрома противника (Polyb. XVI. 15).

Интересно сопоставление этих двух битв – при Хиосе и у острова Лада. Полибий, ссылаясь на Зенона и Антисфена, говорит, что битву при Ладе они считали едва ли не значительней, чем сражение у Хиоса, при этом ахейский историк осуждает этих авторов за приписывание победы родосцам (Polyb. XVI. 15). Затем Полибий указывает, что поражение родосцев подтверждается захватом двух родосских пентер неприятелем и отступлением остальных судов. В сущности, наблюдалась почти аналогичная битве при Хиосе картина, с той лишь разницей, что в битве при Ладе неизвестны ни соотношение сил, ни потери сторон. Оба раза враг отступал, оставляя поле битвы за Филиппом. Обращает на себя внимание тот факт, что каждая сторона и в этой битве, видимо, считала себя победителем. Зенон и Антисфен, оставаясь государственными

³³ Murray W. Op. cit. P. 167.

³⁴ Климов О.Ю. Указ. соч. С. 24.

³⁵ Например, в битве 306 г. при Саламине Птолемей потерял 85,7% общего количества флота, или 120 военных кораблей из 140; в битве при Акции в 31 г. до н.э. Антоний потерял 140 кораблей из 230, что составляет 60,9%. Подробнее см.: Murray W. Op. cit. P. 167.

³⁶ Климов О.Ю. Указ. соч. С. 25.

³⁷ Габелко О. Л. История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 254.

ми деятелями (Polyb. XVI. 14. 3), вероятно, не просто подчеркивали свой патриотизм, а отразили в своих трудах официальную версию случившегося.

Также, вероятно, и Аттал I не упускал возможности подчеркнуть свои достижения. Так Ливий указывает, что, когда Аттал обратился с письмом к афинянам, он подчеркивал свои успехи в борьбе с Филиппом (Liv. XXXI. 15. 3). Однако неприятный факт бегства царя все же не позволяет говорить о безоговорочной победе пергамцев в битве у Хиоса. Также и упомянутую выше надпись из Пергама (OGIS. 283: Βασίλευς Ἀττάλος Δικαί Ἀθηναί Νικηφόρῳ αὐτοῦ τῆς πρὸς Φιλίππου καὶ Μακεδόνας ἡμερῶν Χίου ναυμαχίας) можно трактовать не только как подтверждение победы Аттала в битве, но и как благодарность царя за благополучное возвращение.

В дополнение к вышесказанному можно добавить, что битва при Хиосе была не единственной, где обе стороны не желали признавать себя побежденными. Вероятно, самым ярким примером будет упоминание о сражении при Аскуле в 279 г. до н.э. Тогда эпирская армия царя Пирра в течение двух дней вела наступление на войска римлян и сломила их сопротивление, но потери были столь велики, что Пирр заметил: «Ещё одна такая победа, и я останусь без войска» (Plut. Pirr. 21). Тогда, по мнению некоторых авторов, римляне не считали себя побежденными, кроме того, сигнал к отступлению подали обе стороны, а Пирр потерял большую часть войска, которое он привез с собой (Ibid). Тем не менее, в литературе закрепилось выражение «Пиррова победа».

Если рассматривать лишь тактическую сторону битвы и ближайшие после нее события, то абсолютного победителя в сражении не было, поэтому по формальным причинам на победу претендовали и пергамский царь, и Филипп V. Для прояснения ситуации можно также сопоставить цели и результаты этого сражения. Филипп не желал морского столкновения, поэтому, когда узнал о поджидавших его кораблях неприятеля, бросил осаду и поспешил к базе на Самосе (Polyb. XVI. 2. 1–4). Скорость, с которой он действовал, предполагает, что царь понимал слабые стороны своего флота в прямом столкновении³⁸. Вовлеченный в сражение, он сохранил почти половину своей эскадры, от восточных планов не отказался, в Македонию не вернулся и продолжал действия в Малой Азии. Конечно, уход домой мог означать только одно – открытое признание поражения и отказ от всех замыслов, поэтому Филипп не хотел позволить врагам торжествовать, напротив, он всеми силами стремился продемонстрировать им, что не только не сломлен, но и представляет серьезную угрозу на суше и на море. Таким образом, битва при Хиосе не заставила царя пересмотреть свою политику, хотя, можно сказать, что честолюбие здесь одержало верх над мудростью. Людские потери все же сказались в дальнейших столкновениях.

Что касается союзников, то их цель заключалась не только в том, чтобы освободить Хиос (этого они добились), но и в том, чтобы не допустить становление Македонии как морской державы. Появление новой силы в Эгейском море представляло потенциальную угрозу для Египта, Родоса и Пергама, чьи сферы влияния в бассейне уже были поделены. В сущности, это сражение было неудачной попыткой приостановить уже нарушившееся «равновесие сил». Если бы в битве при Хиосе они уничтожили македонский флот, проблема разрешилась бы сама собой, македонская казна не выдержала бы постройки еще одной эскадры. Но эта цель не была достигнута. У Филиппа осталась половина флота, а, кроме того, оставалась вероятность, что македонский царь извлечет уроки из этого столкновения, поэтому он по-прежнему являлся очагом постоянного беспокойства для малых государств.

Не следует забывать и о последствиях битвы. Вероятно, тот, кто после столь спорного сражения может извлечь наибольшую выгоду из сложившейся ситуации, и получает лавры победителя. Возможно, сложившийся в литературе взгляд на победу в битве при Хиосе возник и под влиянием общего итога того конфликта, а решающее значение в нем имело не то, кто располагал лучшим флотом, и не то, сколько было павших, и за кем осталось поле битвы, а как сложилась международная обстановка в

³⁸ Murray W. Op. cit. P. 210.

регионе, и как совпали устремления заинтересованных сторон. Филипп продолжил действия в Карию, однако вскоре был заперт в заливе Баргилии родосским и пергамским флотами. Положение македонского войска становилось все тяжелее, начался голод (Polyb. XVI. 24. 4–5; 8–9). Лишь весной 200 г. Филипп смог отступить в Македонию, оставив в некоторых городах небольшие гарнизоны, где они находились до 197 г. (Polyb. XVIII. 44. 3–5). Однако к моменту его возвращения политическая ситуация сложилась не в пользу Македонии. Враги царя успели договориться об объявлении ему новой, второй римско-македонской войны.

THE BATTLE OF CHIOS (201 BC): TACTICAL AND POLITICAL BACKGROUND OF THE ATTRIBUTION OF A VICTORY

N.Yu. SIVKINA

N. Novgorod State University

e-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

In 201 BC at island Chios a major naval battle took place. Polybius describes two combat zones: an engagement between Attalus and the right wing of Philip's fleet, and another one between Rhodian ships and Philip's left. The victory in this battle was attributed yourself kings Attalus I of Pergamon and Philip V of Macedon. If consider only the tactical side of the battle, the absolute winner was not. Established in the literature looking at the allied victory was influenced by the overall outcome of the conflict: Pergamon and Rhodes appealed for help to Rome, then began the second Roman-Macedonian war.

Key words: Macedonia, Philip V, Attalus I, the battle of Chios.